

Сергей Иванников

СССР накануне войны

По материалам «Известий» и других московских газет.

22 июня 1941 года поделило жизнь каждого советского человека на военную и довоенную. В условиях военного времени довоенная жизнь неизбежно идеализировалась, превращаясь в воспоминаниях в нечто безмятежное и исключительно светлое; проблемы, казавшиеся серьёзными и важными ещё накануне войны, теперь виделись незначительными. Подобное представление со временем превратилось в штамп, активно тиражируемый литературой и кинематографом: «безмятежное довоенное время» органично сочеталось с идеей внезапности немецкого нападения, позволяло создавать яркие, контрастные картины, в рамках которых сталкивались и противопоставлялись друг другу две эпохи. И солнечная «лёгкость существования» первой подчёркивала трагичность и мрачность второй.

Но если мы посмотрим исторические свидетельства того времени, например, газетные статьи, опубликованные в течение последней довоенной недели, то свидетельств «безмятежности» существования мы найдём крайне мало, и не они будут определять общий тон публикаций. Наоборот, при чтении этих документов возникает прямо противоположная картина: довоенная жизнь советского общества оказывается предельно напряжённой и динамичной. Используя термин Эрнста Юнгера, можно говорить о том, что советское общество находится в состоянии «тотальной мобилизации», а подобное состояние требует от советского человека максимального напряжения сил. Менее всего сочетаются друг с другом идея социализма в понимании 1930-х годов и «безмятежный» стиль жизни.

Динамичность существования советского общества в довоенный период формируется на основе двух дополняющих друг друга факторов — идеологического и исторического. Советская идеология формирует представление об обществе будущего как некоем проекте, основы которого могут и должны быть созданы в максимально короткое время. Под влиянием этой идеи жизнь превращается в гигантскую строительную площадку, а каждый советский человек — в строителя. Тяготы и трудности повседневного существования связаны в общественном сознании с тем обстоятельством, что строительство нового общества находится в начальной фазе. И чем быстрее эта фаза будет пройдена, тем скорее подобные издержки исчезнут. Безусловно, в рамках такого понимания жизни настоящее приносится в жертву будущему; но не менее важно в этой ситуации то, что большинство общества эту идею признало и согласилось с ней. Советские 30-е годы, закончившиеся 22 июня 1941 года, живут во имя будущего. Их цель — сделать это будущее максимально близким. Дополнительный драматизм в эту ситуацию вносит исторический фактор: война — неизбежна, и необходимо успеть подготовить страну к этой войне. То, что советские газеты в середине июня не говорят о приближении войны, не должно смущать: судя по дневниковым записям и воспоминаниям современников, с середины весны предчувствие, что война — на пороге, стало устойчивым элементом общественного сознания. О войне говорили на заводах, в школах и институтах, в деревнях. И главная тема этих разговоров сводилась к вопросу «когда?». Оптимистичное видение ситуации жило надеждой, что войну удастся отсрочить до лета 1942-го.

В этом контексте главной чертой жизни общества становится «гонка со временем». Соответственно, и время оказывается центральной темой советских газетных публикаций, проглядывающей сквозь рассказы о деяниях рабочих коллективов, колхозов, научных учреждений и всего остального.

Время в представлении советской идеологии и, соответственно, советского человека никогда не бывает абстрактным, «пустым», оно всегда наполнено событиями, деяниями. Время — это возможность создания нового; эпицентр нового — в сфере материально-технической. Поэтому можно сказать, что советское время — это «время производственное». Оно показывает себя в форме плана, в рамках которого необходимо выполнить определённый объём задач. Движение навстречу времени — это попытка план превзойти, предельно

уплотнить время, создать за отдельный временной отрезок больше, чем было изначально предусмотрено. Перевыполнение плана и мыслится как «ускорение времени», победа над ним. «Особенностью момента» в данном случае оказывается то обстоятельство, что в конце июня завершается полугодие, подводятся промежуточные итоги. И страницы «Известий», «Правды», других газет наполнены именами и названиями тех, кто оказался победителем. Отчасти эти сообщения напоминают спортивные репортажи, в которых фиксируются лидеры: «Завод №3 стройдеталей Мосгорисполкома досрочно выполнил полугодовую программу. Строители Москвы получили 25 тысяч погонных метров мозаичных ступеней, 3 тысячи квадратных метров мозаичных подоконников, 500 метров железобетонных плит. Бригады мозаичников тт. Ануфриева и Полетаева и бригада арматурщиков т.Толстова добились особенно высокой производительности труда. За высокие показатели в работе за первый квартал завод №3 вновь удержал переходящее красное знамя Наркомата промышленности стройматериалов РСФСР» («Известия» от 15 июня); «Коллектив Московского шелкоткацкого и красильно-отбелочного комбината им.Щербакова вчера выполнил план первого полугодия по готовой продукции. Комбинат за пять месяцев добился экономии по себестоимости 1 012 тыс. рублей. Продукции первого сорта выпущено 86 процентов. Производительность труда в сравнении с прошлым годом увеличилась на 19,5 процента» (там же). 18 июня в числе «победителей» упоминаются, в частности, кондитерская фабрика «Ударница» и Люберецкий завод сельскохозяйственных машин им.Ухтомского, 19-го — завод «Каучук» и т.д. Формально предприятия соревнуются друг с другом, внутри предприятий в соревнование вовлечены бригады и цеха, внутри бригад — отдельные люди. Но за всем этим скрывается главное, что теми же «Известиями» 18 июня выносятся в заголовок: «борьба за время». И восприятие этой борьбы находит опору в метафорах и образах, близких к военным: «Сегодня мы публикуем сводку о ходе сева яровых на 15 июня...» (передовица газеты «Известия» от 21 июня.)

Это соревнование со временем имеет множество параметров: производительность труда и рост объёмов продукции, экономия средств, использование ресурсов и т.д. И то, что сегодня оказывается достижением, завтра должно стать нормой. В значительной степени советское отношение к времени — это отношение экспериментальное: эпоха манипулирует временем, стараясь предельно уплотнить его, вместить в отдельную его единицу как можно больше свершений. Отсюда — и внимание к рекордам. Рекордсмен — это человек, который смог изменить время и, одновременно, изменить представления о возможностях человека. И газеты с удовольствием о таких достижениях пишут. («Рекорды машинистов». Алма-Ата. Среди машинистов Карагандинской дороги ширится движение за длительные пробеги паровозов без дополнительного набора воды в пути» («Известия» от 17 июня), «Удои повышаются!» (там же)).

В рамках единого производственного процесса в единый узел связываются «борьба за время» и становление, формирование личности, ведь каждое новое достижение изменяет представления о возможностях человека. Тезис классического марксизма «человек есть деятельность» сталинская эпоха, по сути, преобразовывает в «человек есть победа над временем в процессе труда».

За счёт чего возможны новые достижения в этой гонке со временем? С самых первых этапов истории стахановского движения обращалось внимание на новое, социалистическое отношение к труду. Этот тезис сохраняет своё значение и в начале 1940-х. Так, например, 17 июня «Известия», сообщая о том, что «на промышленные предприятия, стройки, железнодорожный транспорт прибыло крупное пополнение — 250 тысяч молодых рабочих, закончивших школы ФЗО», пишут: «Президиум ВЦСПС рекомендует фабрично-заводским комитетам провести цикл бесед кадровых рабочих с выпускниками школ о производственно-технической и трудовой дисциплине, бережном отношении к социалистическому имуществу...» Но исключительно «моральным фактором» решение этой проблемы не ограничивается. В той же статье говорится о «правильной организации своего труда» и необходимости повышении квалификации молодых рабочих. «Правильная организация

труда» не является делом только самих рабочих. Основная ответственность за решение возлагается на государственный аппарат, сущность работы которого понимается по аналогии с механизмом: «Взросшие задачи советского государства требуют, чтобы все звенья государственного аппарата работали в новом, более быстром темпе, с большей глубиной и деловитостью. Успешное выполнение народнохозяйственных планов, дальнейший, всё более быстрый рост хозяйственного и военного могущества нашей родины требуют от советского аппарата прежде всего и раньше всего исключительной оперативности и исполнительности. ...В условиях гигантских задач дальнейшего строительства коммунизма советский аппарат призван к максимально слаженной и напряжённо-деловой работе. Советский служащий обязан исполнять приказы, директивы, решения правительства и вышестоящих органов быстро, точно, полностью. Советский служащий, подобно бойцу Красной армии, идущему в наступление, обязан донести приказ до места назначения, до того участка, где решается исход боя, где директива должна вызвать указанные ею изменения в жизни и строительстве. Всякое иное толкование своих обязанностей есть отход от оперативности, есть лишь болтовня об исполнительности и дисциплине» («Известия» от 22 июня). Но ещё большая роль возлагается на научные разработки. И если в начале 30-х идея «научной организации труда» находилась в тени «энтузиазма масс», то к началу 40-х эти два элемента постепенно меняются местами, и «научная организация труда» постепенно выходит на первое место. Что понимается под этим словосочетанием? Предельно рациональное использование каждого момента рабочего времени и создание эффективных производственных структур, позволяющих предельно упростить и ускорить сам процесс достижения результата. И когда это происходит, газеты с гордостью сообщают об успехе. Так, например, «Известия» 15 июня с удовлетворением отмечают, что «новая структура музыкального образования позволит сократить время подготовки пианистов с 17 до 8 лет, а музыкантов, играющих на духовых инструментах, с 13 до 7».

Порой борьба со временем обнаруживает себя в весьма неожиданных сферах. Так, например, 18 апреля в «Известиях» напечатана следующая заметка: «Группой работников Института биохимии Академии наук СССР под руководством членкорреспондента Академии профессора А. И. Опарина и научной сотрудницы С. М. Манской был найден способ ускорения созревания вин и коньяков. Как удалось выяснить, созреванию их способствует наличие особого фермента — пероксидазы. Обычно она присутствует в винах и коньяках в малоактивном, состоянии. Препарат пероксидазы получается из хрена. Добавленный к вину или коньяку в минимальных количествах (0,02 грамма на литр), он вызывает ускоренное их созревание и повышает вкусовые качества. В течение одного-двух месяцев вино и коньяк приобретают аромат, вкус и свойства, которые в обычных условиях получаются лишь в течение двух-трёх лет. Опыты, проведённые в прошлом году со столовыми, десертными и шампанскими винами и коньяками, дали хорошие результаты. Институтом разработана сейчас инструкция по ускорению созревания коньяка». Природа оказывается вовлечённой в процесс «соревнования» так же, как и общество. И совершенствование личности становится, одновременно, и совершенствованием природы.

Темы научности, роста знаний, состояния школ и вузов регулярно присутствуют в газетных публикациях. Об их важности свидетельствуют даже рекламные объявления, среди которых в июне 1941-го преобладают сообщения о наборе в вузы, техникумы, курсы повышения квалификации, что естественно, ведь начинаются приёмные экзамены. Также рекламируются подписки на журналы, подавляющее большинство которых являются научными. При этом речь идёт не столько о журналах, популяризирующих науку, сколько о журналах, обладающих конкретной научной специализацией. Их названия говорят сами за себя: «Техническая книга», «Опытная агрономия», «Яровизация». Ещё одна их характерная особенность — ориентация на связь между наукой и производством. Количество рекламируемых научных журналов значительно превосходит количество журналов идеологического типа. В тех же «Известиях» с 15 по 22 июня реклама «идеологического журнала» встречается лишь однажды. Подобное внимание к науке позволяет приоткрыть

«завесу неопределённости» над обществом будущего. Оно, очевидно, мыслилось как «общество когнитивного типа», в котором главную роль во всех социальных процессах играет знание. (На Западе о необходимости создания «когнитивного общества» начали говорить лишь с 1950-х годов.) И забота о будущем включает в себя и заботу о знании. Отсюда — пристальное внимание ко всему, что связано с образованием. Олимпиадам по химии, физике, математике в газетах уделяется внимание порой не меньшее, чем освещению ряда политических событий.

На основе представления, что именно труд формирует личность, идея производства распространяется советской идеологией на все сферы человеческой жизни. В итоге, мы обнаруживаем присутствие этой идеи даже там, где сегодня её искать не принято. Всё общество понимается как единое производственное пространство — общество-фабрика, в которое должен быть вовлечён (в идеале) каждый гражданин СССР. И те же организации культуры, например, так же воспринимаются в качестве специфических производственных ячеек. Их цель (и в этом отличие их деятельности от аналогичных дореволюционных образований) — создание не элитарных «продуктов культуры», а, скорее, продуктов массовых. Можно поиронизировать по поводу качества подготовки пианистов «по ускоренной программе», но для авторов этой идеи важнее количество, а не качество. Важно, чтобы как можно больше людей приобщилось к основам музыкальной культуры. Подобная логика объяснима: страна всего несколько лет назад начала переходить к всеобщей начальной грамотности, и в условиях, когда ресурсы страны ограничены, забота о большинстве оказывается более важной, чем забота о единицах.

Понимание культуры как производственного процесса указывает на важнейший элемент советской идеологии того времени: важнейшей целью становится производство личности определённого типа. Материальное производство здесь сочетается с социальным.

«Производственные метафоры» и производные от них идеи соревнования обнаруживаются и в политических акциях. «Ни одного трудящегося — без облигаций нового займа! 6 683 551 000 рублей займа государству дали трудящиеся РСФСР. В Главном управлении сберегательных касс Наркомфина РСФСР подведены итоги реализации займа в РСФСР на 14 июня. ...Дружно и организованно произведено размещение займа в Москве, Ленинграде, Горьком, Саратове, Рязани, Иваново, Махач-Кала, Орджоникидзе и других городах РСФСР»; «Рабочие, инженерно-технические работники и служащие Московского завода автотракторного оборудования активной подпиской на новый заём ещё раз продемонстрировали свою преданность социалистической родине. Подписка значительно превышает сумму прошлого года»; «На московском заводе «Компрессор» передовое место в реализации займа занимает коллектив цеха №14. Здесь многие стахановцы подписались на месячный заработок. Завершается подписка в цехах №№3, 13 и др. В короткий срок закончили подписку коллективы конструкторских отделов» («Известия» от 15 июня). Производственная тема присутствует даже в уголовной хронике. Так, например, касаясь суда над врачом, занимавшимся нелегальной практикой, газета использует термин «производство аборт».

Открытым для понимания жизни советского общества является вопрос о том, в какой степени идеологические установки того времени сочетались с реальной жизнью. Безусловно, идеология часто выдавала желаемое за действительное. Но плотность идеологического прессинга и вовлечённость подавляющего большинства общества в трудовые процессы создавали в общественном сознании картину мира, во многом производную от идеологических клише. Общество осознавало себя вовлечённым в процессы строительства нового. Соответственно, и борьба со временем становилась важной частью индивидуального самосознания. И выдерживали эту гонку не все. Отсюда — специфические психологические срывы. Только так, наверное, можно оценить событие, о котором упомянула газета «Правда» 17 июня: «В воскресенье 15 июня Московский зоопарк был заполонён посетителями. Многие из них наблюдали за двумя жирафами, которые гуляли на поляне, отделённой от остальной территории трёхметровой решёткой. Внезапно один из посетителей начал быстро взбираться

по решётке, перепрыгнул на поляну и с криком «хочу кататься на жирафе» бросился к животным. Хулигана, оказавшегося инспектором транспортной конторы 1-го Московского треста хлебопекарной промышленности А.И.Кондратьевым, немедленно задержали. Он был пьян. По дороге в милицию Кондратьев избил одного из сопровождавших». Типичный пример психологической деструкции, возникающий тогда, когда сознание не сможет справиться с требованиями, предъявляемыми к нему со стороны общества.

Издержки «гонки со временем» неизбежны. Постоянное давление на сознание требует компенсаций, и формы таких компенсаций были весьма разнообразны, а порой и трагичны (тот же Кондратьев, например, за свою выходку получил тюремное заключение сроком на год). Но эта, «теневая сторона» советской жизни газетами того времени, по сути, не отслеживается. Да и сегодня понимание этой исторической проблемы лишено чёткости и однозначности.

СССР накануне войны — это динамично развивающееся общество, и скорость его развития значительно превосходила скорость развития многих стран. Другими специфическими особенностями советского общества в этот период были ориентация на построение общенародного, социально ориентированного государства, акцент на развитие базовых отраслей производства и опора исключительно на собственные силы. Последнее обстоятельство в сочетании с необходимостью осуществить модернизацию страны предельно быстро придавала советской внутренней политике авторитарный характер. Там, где газеты часто пишут о каких-либо добровольных решениях, проглядывает скрытое принуждение. Показательным примером такого принуждения является общественная кампания по подписке на Заём Третьей Пятилетки (выпуск четвёртого года), официально завершившаяся буквально накануне войны — 17 июня.

15 июня «Известия», рассказывая о ходе подписки, сообщают: «Коллектив московской обувной фабрики «Буревестник» превысил сумму подписки против прошлого года на 127 тысяч рублей. Около тысячи рабочих, инженеров, техников и служащих дали займы государству месячный оклад и более». О том же самом днём ранее: «Ряд предприятий метро (шахты №№ 11, 13-14, 15-16, Мраморный завод, «Метропроект» и другие) закончил подписку. Многие рабочие и служащие строительства дают займы государству более месячного заработка». В подписке на заем принимают активное участие все слои населения: рабочие, инженеры, госслужащие, колхозники. 10 июня «Известия» с удовлетворением отмечают: «Хорошо проходит подписка в Московском государственном университете. Около тысячи студентов, не получающих стипендии, подписались на заем. ...В Ленинградском районе неплохо организована подписка среди домашних хозяек, пенсионеров и т.д. (подписались около 14 тыс. человек), давших займы государству около 800 тыс. рублей».

Учитывая то обстоятельство, что благосостояние большинства граждан СССР начало постепенно увеличиваться после экономического коллапса конца 1920-х — начала 1930-х годов, и процесс этот был отнюдь не стремительным, сложно говорить о наличии серьёзных финансовых накоплений у населения. Подавляющее большинство жило по принципу «от зарплаты — до зарплаты», предпринимая серьёзные усилия для того, чтобы растянуть эту зарплату до конца месяца. И ситуация, при которой рабочая семья должна отдать хотя бы 80% семейных денег (не говоря уже 100%) займы государству, выглядит катастрофической и вряд ли вызывает большой энтузиазм. То же самое можно сказать о студентах, «не получающих стипендии», да и размеры студенческой стипендии не поражала воображение: в 1937 году она составляла 130 рублей, и если студенту не помогали родители, он вынужден был подрабатывать. В ещё большей степени это касалось пенсионеров. Но каждый вынужденный участвовать в займе помнил, что его жизненные перспективы напрямую зависят от участия в этой кампании.

Впрочем, угроза репрессивных мер не была единственным фактором, формирующим мотивацию людей того времени. Более того, она не всегда была и главным фактором. И хотя «тема насилия» всегда так или иначе присутствовала в общественном сознании предвоенного

времени, но часто на первый план выходили иные стимулы, заставлявшие людей принимать те или иные решения. В первую очередь, речь идёт о стимулах мировоззренческого характера: большинство общества осознавало, что оно участвует в строительстве Будущего. Перед лицом этого Будущего необходимы серьёзные жертвы, и общество 1930-х на эти жертвы шло. В значительной степени это был сознательный духовный выбор. А повседневная жизнь показывала, что такое решение не бесполезно. Повседневная жизнь СССР, особенно в городах, стремительно менялась к лучшему.

1 мая газета «Известия» в очередной раз выступает с программным заявлением: «О гигантском размахе капитальных работ, производимых в нашей стране, красноречивее всего рассказывают цифры. Первая сталинская пятилетка дала 1 500 новых предприятий. За три года третьей пятилетки вступило в строй уже 2 900 фабрик, заводов, шахт, электростанций. А в этом году мы строим и расширяем 2 955 предприятий! 2 955 новых заводов, шахт, железных дорог, электрических станций, каналов. Новые домны, мартены, прокатные станы. Новый рост богатства и мощи нашей родины. Капитальное строительство, дальнейшее расширение объёма производства — главный рычаг для разрешения исторической задачи: перегнать главные капиталистические страны экономически, т.е. по размерам производства на душу населения.57 миллиардов вкладываются в новое строительство в текущем году — в полтора раза больше прошлогоднего. Социалистическое государство твёрдо держит курс на дальнейшее могучее развитие производительных сил, на переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе. Строить быстро, скоростными методами, строить дёшево и добротно — вот важнейшая задача дня». Эти абстрактные числа в повседневной жизни раскрывались весьма конкретным образом: стремительно строились школы, в том числе и в первую очередь там, где раньше их никогда не было, новые больницы и поликлиники, улучшалась работа транспорта, постепенно, хотя и не без проблем, на прилавках магазинов появлялись новые товары, и, что тоже немаловажно, у населения постепенно появлялись средства, чтобы эти товары купить. Война в Европе («вторая империалистическая», как называли её газеты того времени) заставила многое пересмотреть в экономической стратегии государства. Огромные средства были брошены на развитие оборонных отраслей, и, соответственно, эти средства не получили отрасли, производящие товары для населения. Для советских магазинов весна 1939 года была более благополучной, чем весна 1941-го. К тому же в условиях «дефицита мирного времени» государству хронически не хватало денег. (Тот же Заём Третьей пятилетки — не от хорошей жизни. Более того, дефицит средств привёл к тому, что осенью 1940 года стало платным среднее и высшее образование.) Но даже в этих условиях положительные изменения в жизни для людей были очевидными.

Главное, чем обладало советское общество, это ощущением перспективы, верой, что жизнь будет улучшаться, подкреплённой конкретными фактами. Именно это обстоятельство позволяет говорить о высоком «качестве жизни» советского человека при относительно низком уровне этой жизни. И при ретроспективном взгляде на советские 30-е задумаешься: а обладает ли подобной перспективой общество современное при том, что уровень жизни сегодня значительно выше, чем в те времена? Впрочем, не стоит забывать и того, что современная Россия в огромной степени живёт за счёт экономического и социально-культурного базиса, созданного в XX веке.

«Светлое будущее» озаряло своим светом повседневную жизнь советского человека, но вряд ли можно назвать последнюю треть 1930-х годов исключительно «солнечной эпохой».

Главным «тёмным пятном» в картине того времени была война. Вся жизнь советского общества после окончания Гражданской войны прошла под знаком ожидания начала войны новой. И та же «гонка со временем», борьба за скорость модернизации объяснялась, прежде всего, именно неизбежностью новой войны. И в этой войне СССР не собирался занимать исключительно оборонительную позицию, примеряя на себя роль жертвы. Но сама война была не порождением коминтерновских иллюзий о грядущем наступлении эпохи социализма во всём мире, а следствием глубинных противоречий, присущих экономической системе

Запада. После Версальского договора 1919 года, оформившего итоги Первой мировой войны, Вторая мировая война стала неизбежной. И надо отдать должное советскому руководству, осознавшему это обстоятельство ещё в начале 1920-х.

С 1939 года предстоящая война стала частью реальности. Своего главного противника советское сознание фиксировало предельно чётко: Германия. И Пакт о ненападении с Германией никаких иллюзий по этому поводу не порождал. Было понятно, что этот документ может войну отсрочить, но не отменить. Весной 1941 года в обществе возникает устойчивое ощущение, что война на пороге. Уже в апреле 41-го НКВД фиксирует значительный рост слухов о том, что война начнётся летом. «Решают ближайшие месяцы. Мы подходим к критической точке советской истории. Чувствуешь всё это ясно» (дневник Всеволода Вишневского, 8 апреля 1941 г.). В начале мая рост таких слухов принимает лавинообразный характер. В июне возникает тема для подобных конфиденциальных разговоров: если до конца июля война с Германией не начнётся, значит, эта война будет отложена до весны следующего года. «Я думаю, что война начнётся или во второй половине этого месяца, или в начале июля, но не позже, ибо Германия будет стремиться окончить войну до морозов» (из дневника московского школьника Льва Федотова, 5 июня 1941 г.). О войне говорят во всех слоях общества. Молчат о ней только средства массовой информации.

Причина подобного молчания — в стремлении советского руководства не давать Германии каких-либо формальных поводов для нападения. Весьма показательным в этом контексте является Заявление ТАСС от 13 июня 1941 года. Это заявление, объявляющее слухи о предстоящем нападении Германии на СССР «лишёнными всякой почвы», было опубликовано советскими газетами только 14 июня. «Сообщение ТАСС нужно было как последнее средство. Если бы мы на лето оттянули войну, с осени было бы очень трудно её начать. До сих пор удавалось дипломатически оттянуть войну, а когда это не удастся, никто не мог заранее сказать. А промолчать — значит вызвать нападение» (воспоминания В.М.Молотова). 19 июня прессе негласно было запрещено использовать само слово «фашист» в каком-либо отрицательном смысле. Впрочем, продержался этот запрет недолго...

Тем не менее, несмотря на молчание по поводу реальной военной угрозы, газеты формируют ощущение, что война близко. В тех же «Известиях» международным новостям отводится, как правило, целая страница, что для четырёхстраничной газеты очень много. И, по сути, вся эта страница посвящена информации о военных действиях, идущих по всему миру. 20 июня «Известия» со ссылкой на немецкие и английские источники сообщают о воздушной войне между Германией и Британией (весьма показательно, что ссылка на немецкие источники в этом сообщении идёт первой), о военных действиях в Китае, Северной Африке и Сирии, о военных мероприятиях в Индонезии, о потоплении английского парохода, шедшего из Ньюкасла в Лиссабон. Эти сводки дополняются «краткими сообщениями» о землетрясении в Турции и взрыве на газовом заводе в Марселе. Международная страница «Известий» 21 июня посвящена всё той же воздушной войне над Ла-Маншем, военным действиям в Сирии, Китае и Северной Африке, о принятии военного бюджета в Швеции. И в номере за 22 июня, подписанном к печати ещё в довоенное время, темы всё те же. Подобные информационные сообщения создавали у читателей ощущение, что уже весь мир находится в состоянии войны и пламя войны полыхает у самых границ СССР. Вполне оправданным в связи с этим становится вывод, что СССР не сможет остаться в стороне от военных событий...

Сегодня все события из жизни советского предвоенного общества неизбежно рассматриваются под знаком наступления войны, под знаком «грядущей катастрофы». (А большая война — независимо от её итогового результата — это всегда катастрофа для общества.) В отличие от людей того времени, мы знаем, что ждёт их в ближайшем будущем, и это придаёт самым простым заметкам и сообщениям трагическое измерение.

Вот выше упоминавшееся сообщение «Известий» от 17 июня: «На промышленные предприятия, стройки, железнодорожный транспорт прибыло крупное пополнение — 250 тысяч молодых рабочих, закончивших школы ФЗО». Далее газета пишет о необходимости

«организовать при общежитиях красные уголки, добиться, чтобы в жилищах молодых рабочих были необходимый уют и образцовая чистота». Взгляд, обращённый в мирное будущее... Через пять дней автору этой статьи станет ясно, так же, как и выпускникам ФЗО, что теперь у них принципиально иные жизненные цели и приоритеты. И очень небольшая часть этих людей через четыре года сможет вернуться на заводы, чтобы работать по той специальности, которую они активно осваивали в предвоенное время.

В июньских газетах — огромное количество объявлений о начале вступительных экзаменов в вузы. Вот, например: «Всесоюзный заочный индустриальный институт (ВЗИИ) объявляет приём студентов в 1941 г. на энергетический, строительный, механический и химико-технологический факультеты. Приёмные экзамены проводятся с 1 августа по 20 сентября». Или: «Для поступающих в Московский Институт Советской Кооперативной Торговли организуются месячные курсы. Занятия с 1 июля по 1 августа 1941 г. Обучение на курсах бесплатное». С 15 июня начинается приём в техникумы, и соответствующих объявлений становится ещё больше. МВТУ им.Баумана «умудрилось» назначить День открытых дверей для абитуриентов на 22 июня... Кто в это день пришёл на встречу с преподавателями МВТУ? Какая атмосфера была на этом мероприятии? К середине августа большинство советских вузов приостановило свою деятельность, а те, что продолжали работать, недосчитались огромного числа студентов... «В прошлом году в семью тимиразевцев влилось 450 новых питомцев. В этом году академия должна принять 750 человек» («Известия», 17 июня). Не будет этого. 500 профессоров, преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов, рабочих и служащих Тимиразевской академии уйдут на фронт, многие в составе народного ополчения. А те, что останутся, будут работать на строительстве военных сооружений, в колхозах и совхозах... И это — типичная ситуация для всех вузов.

В начале лета газеты много пишут о студенческих трудовых отрядах: студенты массово отправляются работать на стройки народного хозяйства. С 22 июня участники этих отрядов будут искать любые возможности, чтобы вернуться назад...

В газетах большое количество сообщений, относящихся к научной жизни страны. Намечены защиты кандидатских и докторских диссертаций. И темы этих диссертаций очень далеки от военных. «30 июня с. г., в 19 часов, в красном зале Московского Архитектурного Института (Москва. Рождественка, 11) состоится публичная защита диссертации кандидата архитектурных наук аспирантом института Лисициан М.В. на тему «Основные принципы композиции в архитектуре древней Армении». Официальные оппоненты: академик архитектуры И.В.Жолтовский, профессор Н.Г.Буниатов. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института с 9 до 18 час. ежедневно (кроме выходных дней)» («Известия», 10 июня). Даже если защита состоялась в намеченный день, в кулуарах оппоненты и рецензенты этой диссертации говорили, в первую очередь, не о нюансах древней армянской архитектуры. А 21 сентября, о чём писать начали ещё весной, в Москве и в Ленинграде состоялось солнечное затмение. Астрономы готовились к наблюдению этого явления. Уверен, что кто-то и наблюдал. Но попробуем себе представить ситуацию 21 сентября 1941 года в Москве или, тем более, в Ленинграде. Принципиально иной жизненный контекст — совсем не тот, что мыслился в июне.

В стране был намечен большой объём мероприятий, направленных на улучшение качества школьного образования. Вот, например, газета «Известия» пишет 12 июня: «Библиотеки для внеклассного чтения должны быть в каждой школе. Однако почти в 10.000 начальных и даже в некоторых средних школах РСФСР они до сих пор ещё не созданы. В ряде школьных библиотек число книг очень невелико. По решению Наркомата просвещения РСФСР все директора и заведующие школами с будущего учебного года должны обеспечить внеклассное чтение для всех школьников». И далее: «В Москве намечено открыть центральную детскую библиотеку, а также созвать Всероссийское совещание по внеклассному чтению». Напомню, что учебный 1941/42 год в московских школах был отменён. Большинство школ стали госпиталями. Небольшое количество школ в Москве было

вновь открыто лишь к концу года...

Улучшению жизни детей в предвоенное время уделялось огромное внимание. 12 июня состоялся очередной Пленум МГК ВЛКСМ. Тема пленума: работа с детьми в летний период. Пленум принял решение об организации в Москве на время летних школьных каникул 3 тыс. детских площадок при жилых домах, 1300 пионерских форпостов при домоуправлениях и 220 юннатских пришкольных участков. А 19 июня в «Известиях» появляется следующее объявление: «Архитектурно-проектная мастерская Наркомпроса РСФСР разработала типовые проекты спортплощадок для городских и сельских школ применительно к генеральным планам школьных участков в 0,0, 1,0, 1,5 и 2 га». Война радикально изменила подобные планы. И те школьники, кого не вывели из Москвы в первые военные месяцы, оказались не на детских площадках, а на заводах, строительстве укреплений и на ночных дежурствах в составе московской ПВО...

«В этом году в Москву намечено завезти 480 тысяч тонн картофеля, 150 тысяч тонн свежей капусты, 42,3 тысячи тонн квашеной капусты, 79 тысяч тонн свежих и солёных огурцов, много моркови, свёклы, лука и других овощей. Столица получит большое количество различных ягод, винограда, арбузов, дынь, грибов и т.д. Всего в текущем году в Москву будет завезено 1 025 тысяч тонн картофеля, овощей и фруктов — на 67,7 тыс. тонн больше, чем в прошлом году. Из этого количества на зимнее хранение будет заложено 595,7 тысячи тонн. Исполком Московского городского Совета обязал торгующие и заготовительные организации к 1 августа полностью закончить ремонт складских помещений и не позднее 15 сентября закончить строительство новых овощехранилищ» («Известия», 13 июня). К 1 августа силами заготовительных организаций города строиться будут совсем другие объекты. Овощи, некогда потоками идущие в московские магазины, пойдут на фронт; столица будет испытывать серьёзные продовольственные проблемы, пусть и не сопоставимые с ленинградскими.

Крушение планов проглядывает через почти любое жизненное событие. Даже сквозь рекламные объявления. «В Центральном универмаге НКТ СССР (Москва, ул. Петровка, д.2) поступили в продажу всеволновые радиоприёмники супергетеродинного типа «Пионер» минского Радиозавода им.Молотова. Приёмники изящно оформлены» («Известия», 22 апреля). С конца июня эти приёмники будут изыматься из индивидуального пользования, их хранение станет военным преступлением. А вот другое рекламное объявление: «УДОС ЦК профсоюза финбанковских работников СССР продаёт путёвки в санаторий в Кисловодске (бывший Госбанка СССР), в санаторий нервно-соматического типа Крым-Алушта». Объявление датировано 17 июня...

И утро 22 июня в газетных публикациях практически ничем не отличалось от предшествующих. «Многие подписчики на газеты и журналы жалуются в Наркомат связи СССР на то, что выписываемые ими издания приходят порванными, испачканными, измятыми... Категорически запрещено доставлять подписчикам газеты и журналы в неисправном виде» («Известия»); «Начался массовый сенокос» («Комсомольская правда»); «Тушинская чулочная фабрика до 1 июля успеет выпустить 109 200 пар чулок сверх полугодового плана» («Московский комсомолец»). В Москве идут утренние спектакли. В филиале Большого театра, в частности, утром шла опера «Демон», во МХАТ им. Горького - «Синяя птица», в Центральном театре Красной армии - «Фельдмаршал Кутузов», а в Театре оперетты - «Роз-Мари». (Этот спектакль не пользовался большой популярностью, и на утреннее представление 22 июня администрация театра существенно снизила цены). В подмосковном Кратово состоялось открытие летнего сезона на Детской железной дороге. Находясь в подмосковном санатории Узкое, академик В.Н.Вернадский записывает в своём дневнике: «По-видимому, действительно произошло улучшение, вернее, временное успокоение с Германией... Грабяр рассказывал, что он видел одного из генералов, которого сейчас и в партийной, и в бюрократической среде осведомляют о политическом положении, который говорил ему, что на несколько месяцев опасность столкновения с Германией отпала...»

А в 12.15 по радио Вячеслав Михайлович Молотов начал своё выступление с обращения: «Граждане и гражданки Советского Союза!»... И эта речь, длившаяся, согласно данным Центрального Государственного Архива Звукозаписи, 15 минут 38 секунд, для миллионов людей поделила жизнь на две половины - «до» и «после»...